

МГУ им. М.В. Ломоносова
факультет психологии
кафедра психофизиологии

Реферат по философии

**Линия Декарта и линия Спинозы в науках о психике:
конфликт или взаимодействие**

*Выполнил: Лапина Татьяна Николаевна,
аспирант очного отделения.*

Москва, 2004 год.

Оглавление

ЛИНИЯ ДЕКАРТА И ЛИНИЯ СПИНОЗЫ В НАУКАХ О ПСИХИКЕ: КОНФЛИКТ ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Оглавление	2
Введение	4
Глава 1. Основные идеи Р. Декарта (1569-1650) применительно к психологии	7
§1. Основы мировоззрения Нового времени	7
§2. «Арифметический метод» Декарта и его последствия	9
§3. Дуализм Декарта	11
«Онтологический дуализм»: мысль и тело	11
«Психологический дуализм»: активность и пассивность	11
Решение психофизической проблемы	12
§4. Ещё немного о Декарте и картине мира Нового времени	14
§5. Значение Декарта для психологии	16
Глава 2. Основные идеи Бенедикта Спинозы (1632-1677) применительно к психологии	18
§1. «Геометрический метод» Спинозы	18
§2. Монизм и пантеизм	20
§3. Учение об аффектах. Проблема свободы	21
§4. Спиноза и картезианство	22
§5. Значение Спинозы для психологии	23
Глава 3. Две линии мышления	25
§1. Картезианское и спинозианское мышление в психологии	26
§2. «Картезианская» и «спинозианская» психология. Точки дивергенции	29
Основные постулаты неклассической психологии	29
Неклассическая психология: Спиноза или что-то ещё?	34
Глава 4. Решение психофизической проблемы и современная психофизиология	38
§1. Наследие Декарта в психофизиологии	38
§2. Системная и коррелятивная психофизиология	39

Выводы	41
Заключение	42
Список используемой и цитируемой литературы	47
Приложение	50
Таблица 1. Основные моменты расхождения учений Декарта и Спинозы, принципиальные для психологии.	50
Таблица 2. Оппозиция картезианства и спинозианства в координатах дуализм/монизм.	50
Таблица 3. Отличия «спинозианской» и «картезианской» психологии	51
Таблица 4. Специфика мышления западной и восточной цивилизации	51
Таблица 5. Основные идеи коррелятивной и системной психофизиологий.	52

Введение

Наукам о психике, как и большинству наук, пришлось преодолеть в своём развитии несколько кризисов. К сожалению, фундаментальный методологический кризис, наметившийся в мировой психологии на границе XIX-XX веков, так и не разрешился. А его неразрешённые проблемы попали из психологии в молодые развивающиеся области знания, такие как, например, психофизиология.

Тогда, в начале XX века, величайшие умы видели суть сложившейся проблемы в том, что предмет-сознание, первый предмет психологии как науки, стал неприемлем в связи с требованиями, выдвигаемыми к научному знанию. Введённые Декартом ещё в конце XVI века понятия «сознание», «мышление» и «рефлексия» оказались слишком неопределёнными для дальнейшего исследования. Лишь немногие тогда видели проблему в самом принципе построения научного знания. К таким мыслителям можно отнести Анри Бергсона, Эдмунда Гуссерля, Зигмунда Фрейда, Курта Левина, Льва Семёновича Выготского и других. Большинство психологов, в основном, решался вопрос что назначить предметом психологии: поведение, бессознательное или гештальт, - что привело к существованию большого числа разных «психологий».

На сегодняшний день ситуация такова, что любому исследователю-психологу приходится с самого начала выстраивать систему психологии, со своим предметом, методами и экспериментальной традицией, как бы выбирая парадигму из предлагаемого многообразия. Но каждое направление и вся наука в целом, как правило, признают, что находятся в кризисе. Так может ли психология быть единой и охватить все стороны человеческой жизни? Какой должна быть психология, чтобы выполнить эти требования? Чем классическая психология так плоха, что привела науки о психике к уже более, чем вековому, кризису? И как этот кризис отразился на психофизиологии как отрасли психологии? Эти вопросы и послужили основным толчком к написанию настоящей работы.

Когда мы говорим о психике, сознании или отражении как предмете науки, неминуемо приходим к выводу, что в классическом понимании науки и рациональности психология вряд ли сможет претендовать на достойный предмет. Все методы психологии, направленные на изучение феномена сознания и удовлетворяющие условию повторяемости и универсальности, приводят к потере самой специфики сознания. Реально субъективно переживаемый опыт психических состояний зачастую непередаваем стороннему наблюдателю и целиком зависит от характерных черт субъекта. Более того, в сознании причина и следствие могут совпадать во времени. Феномены сознания могут никогда не выноситься вовне, а предметно-действенное сознание, единственное доступное

внешнему наблюдению, – лишь один из слоёв многообразной психической жизни[24]. Объективно, в классическом смысле этого слова, т.е. соблюдая условия непрерывности опыта, вынесенности в пространство и последовательности во времени, мы можем изучить лишь разного рода объективации психической жизни, например, поведение. По этому пути пошёл бихевиоризм, отказавшись понять субъективное и построив психологию как науку о поведении.

Есть два пути избежать подобного рода «вырождения» психологии. Первый был рассмотрен Л.С. Выготским. Он состоит в том, чтобы ориентировать науку на практические цели. На некоторое время, возможно, прагматическая ориентация может избавить психологов от методологических проблем, но не разрешает их. Второй путь – это переход к неклассическому идеалу рациональности и построение науки на новых принципах. Для этого необходимо образование «общей психологии», или метапсихологии, как специально психологического методологического органа.

Противоречия классического идеала рациональности усматриваются в картезианской мысли, заложившей основы методологии научного познания в XVII веке. Рассматривая оппонентов Декарта в далёком Новом времени, психологи обращаются к трудам Бенедикта Спинозы, которые могли бы открыть путь альтернативной психологии[2]. Говоря о возможных основаниях неклассической психологии, Александр Григорьевич Асмолов видит избавление от логики бинарных оппозиций, «поразившей рациональное мышление» в монизме Спинозы. Таким образом выделяется отличная от картезианской линия мышления в психологии.

Основной целью данной работы является выявление философских корней современных противоречий. Мы попробуем выделить основные черты и парадоксы как линии Декарта, так и линии Спинозы в психологии. Затем мы рассмотрим, какую ценность и какие последствия имели идеи обоих мыслителей для психофизиологии как науки о физиологических механизмах осуществления психической деятельности, в частности рассмотрим сходства системной психофизиологии со «спинозианской психологией».

Следуя по намеченному пути, мы заметим, что то, что понимается Выготским, Асмоловым и другими авторами под картезианской и спинозианской линиями в психологии, отличается от оригинальных работ самих философов. Речь идёт, скорее, о способах мышления и изложения, присущих Декарту и Спинозе как людям жившим в XVII веке, как людям вообще. Поэтому наиболее продуктивным кажется сочетание обоих направлений. Это особенно важно отметить сегодня, потому что у новых специалистов-психологов на основе некоторых публикаций может сложиться впечатление о полной

несовместимости точек зрения и борьбе двух тенденций на арене науки о психике. В итоге мы рискуем увидеть ещё два непримиримых лагеря-направления, которые пока берём в кавычки: «картезианской» и «спинозианской психологии».

И, наконец, наметив основные пункты неклассической методологии психологии, укажем альтернативные Спинозе ориентиры, такие как синергетика и восточная философия.

Глава 1. Основные идеи Р. Декарта (1569-1650) применительно к психологии

«Декарт был первый и последний гениальный рационалист, наложивший эмпирические, или фактические, ограничения на нормы разума, и в том числе на Бога»[25]. Это недлинное предложение Мераба Константиновича Мамардашвили довольно точно выражает одновременно и главную ценность работ Декарта, и суть его рационалистического учения, и причину «популярности» картезианских идей. Попытка создать единую физику двух субстанций: ума и физического тела – была необходима именно в момент глобальной смены картины мира. А Р. Декарт смог не только построить подобную систему, но и создать метод, единый для любых сфер приложения ума.

В данной главе, мы рассмотрим основные идеи Декарта, повлиявшие на психологию, в том числе правила для руководства ума. Мы увидим, как именно эти идеи преломились в дальнейшем развитии наук о психике. Но прежде, чем говорить непосредственно о мышлении Декарта, следует рассмотреть исторический контекст, в котором его идеи могли возникнуть, а именно – состояние философии и науки во время перехода к Новому времени.

§1. Основы мировоззрения Нового времени

Новое время – это исторический период в развитии западной цивилизации, границы которого определяются XVII и XVIII веками нашей эры. Для Европы – это эпоха зарождения и утверждения картины мира, которая стала основой европейского мышления, «матрицей западной цивилизации, воспроизводящей особый образ мысли и образ жизни»[41].

Ей предшествовал период Средневековья. Ядро картины мира средневекового человека составляло христианство. Источник знаний о мире виделся в Священном писании. Благодаря связи христианской философии с неоплатониками, мир средневековья имел иерархическую структуру. На вершине её находился Бог, ниже ангелы и совсем внизу – человек. В центре материального мира находится земля, созданная богом и отданная человеку.

Связующим звеном перехода от средневековья к новому времени является эпоха Возрождения. Очень важно понять, что должно было случиться в умах людей, чтобы сделалось допустимым применение к Богу метода, основывающегося на сомнении, и замена библейских книг на книгу мира. Для преодоления средневековой картины мира

необходимы были яркие общественные события, которыми изобилвала эпоха Возрождения.

Первым было появление новой христианской конфессии - протестантизма. Последствия этого в различных сферах общественной и духовной жизни были названы *реформацией*. Протестантизм начал свой путь в 1517 году с «95 тезисов» Мартина Лютера (1483-1546). В них критика Римско-католической церкви сочеталась с поиском новых оснований христианской веры. Огромное культурное и общественное значение имел его перевод Библии на немецкий язык. Эстафету реформации подхватили Ульрих Цвингли (1484-1531) и Жан Кальвин (1509-1564).

Все направления протестантизма признают возможность личного общения человека с Богом. Таким образом, церковь лишается своей привилегии посредника религиозных отношений, в том числе своей монополии на познание.

Католическая церковь приняла ответные меры для сохранения своего влияния – провела реформу собственной церкви. Показательным был Тридентский Собор (19^й вселенский, согласно католическому исчислению), на который были приглашены, в том числе, и протестантские богословы, но они отказались принять участие в дебатах. Его «Постановления о преобразовании» сформулировали основные правила поведения священства, а также устраняли неточности в догматах католической доктрины. Также движение контрреформации привело к созданию комиссий для составления и пересмотра индексов запрещённых книг, учреждению ордена иезуитов и активизации института инквизиции [41].

Тем не менее, протестантские идеи овладели умами. Они утверждали личную ответственность человека перед Богом. Но одновременно отрицали человеческую свободу в мире, полностью предопределённом. Единственным источником подлинного знания о Боге признавалась Библия. Для доступности Слова Божия Библия была переведена на многие европейские языки. Религия для человека все больше превращалась из непонятных обрядов в процесс общения и познания Бога.

Вторым явлением, предопределившим перелом в картине мира, был *коперниканский переворот*. Начавшись в области астрономии, он привёл к изменениям на различных уровнях европейской культуры.

Начало коперниканской революции в астрономии положила книга, опубликованная в 1543 году, - «Об обращении небесных сфер» Николая Коперника (1473-1543). В ней было представлено гелиоцентрическое строение мира и описан порядок расположения планет, движущихся вокруг Солнца. Математик Иоганн Кеплер (1571-1630), дополнил концепцию Коперника, сделав орбиты планет не окружностями, а эллипсами. А также

построил свою небесную механику, основанную на трёх законах. Галилео Галилей (1564-1642) ввёл понятие «инерции» для объяснения движения Земли.

Следующий шаг в создании новой картины мира был сделан Рене Декартом. В его учении идея инерции превратилась в деизм. Бог рассматривается как первотолчок любого движения, существующего во вселенной. Все частицы, составляющие мир, движутся по прямой или отклоняются, сталкиваясь друг с другом. Но по-прежнему не было понятно, как могут возникнуть замкнутые циклические орбиты в мире, руководимом только инерцией. Объяснение этому дал Исаак Ньютон (1643-1727). Он ввёл понятие силы тяготения как универсальной силы, проявляющейся везде, но не поддающейся механическому объяснению.

Так с помощью закона инерции, закона ускорения, закона равного противодействия и закона всемирного тяготения были объяснены все известные явления небесного и земного происхождения. Такой научный успех привёл к безграничному познавательному оптимизму, к мысли о возможности построения детального и исчерпывающего описания всего мира. Как результат, «к концу XVII века на западе утвердилась картезианско-ньютоновская космология как фундамент нового мировидения» [41].

Основные моменты картезианского учения и новой картины мира, которые необходимо рассмотреть для выделения картезианской линии мышления это: *дуализм, механицизм, аналитичность и объективность.*

§2. «Арифметический метод» Декарта и его последствия

Основная задача научного познания Нового времени – описание мира как механизма, подчинённого универсальным законам – была сформулирована и широко распространена, во многом, благодаря натурфилософии Декарта. Её решение требовало метода, регламентирующего познавательные способности разума.

В своей работе «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» Рене Декарт решает отыскать корень «здравомыслия», т.е. способности правильно рассуждать и отличать истину от заблуждения [17]. Эта способность одинакова у всех людей и именно она отличает нас от животных.

Истину можно усмотреть только благодаря «естественному свету ума». Нельзя поручаться на общепринятые суждения, описанные в научных книгах. До истины скорее дойдёт один человек, нежели целое общество. А «привычка и эксперимент убеждают нас больше, чем какое бы то ни было точное знание»[17].

Поэтому Декарт формулирует четыре правила философа, становящиеся в том числе правилами любого научного познания.

1. «Никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью» [17]. Этот принцип называют *принципом сомнения* Декарта. Есть ли какая-то точка отсчёта, которая бы не подвергалась сомнению? У Декарта такая точка есть. Совершенно очевидно, что чувства внешних объектов могут нас обмануть: ведь, когда мы спим, мы видим предметы, которых вокруг нас нет. А если чувство способно обмануть человека, значит «физика, астрономия, медицина и все прочие науки, связанные с исследованием сложных вещей, недостаточно надёжны» [16]. Не можем мы быть уверены и в точности восприятия собственного тела: иной раз даже не можем определить, где у нас болит. Но человеческий ум гораздо проще познать, чем внешние объекты. Потому что восприятие мысли нельзя подвергнуть сомнению. «Всякий раз, как я произношу слова «Я есмь», я существую им» [16]. Это и есть суть знаменитого декартовского “*cogito ergo sum*”. В этом смысле люди – «мыслящие вещи» (т.е. мыслящие физические протяженные тела). А если я, благодаря рефлексии, воспринимаю движения собственного ума и не могу подвергнуть их сомнению, то сознание является самым удобным объектом для изучения. Это уже формулировка *принципа непосредственности*, составившего в последствии основу для классической психологии.

2. «Делить каждую из рассматриваемых мною проблем на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить» [17]. Это *принцип анализа проблемы*. Как уже было сказано выше, Декарт считал, что науки изучающие сложные объекты мало убедительны. Зато арифметика, геометрия и другие науки, занимающиеся простейшими и наиболее общими понятиями, содержат «нечто достоверное», то есть не подверженное сомнению.

3. Располагать свои мысли в определённом порядке, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить мало-помалу до познания наиболее сложных (*принцип последовательности*).

4. «Делать всюду перечни полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничто не пропущено» [17]. *Принцип полноты* по сути исходит из возможности подвергнуть анализу с помощью приведённых правил любого предмета. Даже в существовании Бога Декарт позволил себе усомниться.

Основные задачи ученого – это изучение книги мира и изучение самого себя. В любом философствовании необходимо найти первоначало всего, точку отсчёта. Для Декарта с Бога начинается любое физическое познание. Далее, когда первоначало установлено, необходимо продвигаться от следствий к причине, по пути, обратному действию закона. В этом смысле время в физическом мире однородно и обратимо.

§3. Дуализм Декарта

Обычно, говоря о дуализме, подразумевается проблема бытия и субстанции. На самом деле у Декарта дуализм проявляется на разных уровнях и в разных формах.

«Онтологический дуализм»: мысль и тело

Первичная субстанция у Декарта производит два непересекающихся бытия: душу и тело. Под телом Декарт подразумевает «всё то, что может быть ограничено некими очертаниями и местом и так заполняет пространство, что исключает существование в этом пространстве любого другого тела» [16]. Основной его атрибут – протяженность, в противовес мышлению как главному атрибуту ума. С этого момента за телом закрепляется образ автомата-системы, организованной по законам механики, основной характеристикой которой являются форма, протяжённость и движение/покой. Таково и человеческое тело. Душа же состоит из непротяжённых явлений сознания – мыслей. В физическом мире и мире души действуют принципиально разные законы.

«Психологический дуализм»: активность и пассивность

В учении о страстях Декарта проявляется менее очевидный психологический дуализм, который мы назовем «психологическим» в том смысле, что он относится не столько к области проблем бытия и субстанции, сколько к области жизни неделимой души. Душевные явления Декарт тоже разделяет на две формы:

- активные, истекающие из желаний души,
- пассивные, истекающие из желаний тела. Последние он называет страстями. Это «восприятия или ощущения, или душевные движения, которые относят в особенности к ней [душе] и которые вызываются, поддерживаются и усиливаются некоторыми движениями духов»[18].

В области воли Декарт выделяет два типа желаний: действия души, которые завершаются в ней самой, и действия, завершающиеся в нашем теле. И причинами восприятия может стать как тело, так и может душа. Во втором случае это будет ощущение желаний или созданий воображения.

Если обратиться более подробно к учению о страстях Декарта, то можно заметить многие черты и образы, которые в дальнейшем заимствовались как философами, так и психологами разных времён. Основная функция страстей – сигнализировать душе о том, что вредно и что полезно. В сущности, это то мнение, которые легло в основу убеждения о приспособительной функции психики. Кроме того, Декарт отмечает, что страсть всегда предметна. Но не сам предмет, а его ценность вызывает страсть.

Как было отмечено выше, с точки зрения Декарта, в мире материальных объектов действуют законы физической причинности, которые не относимы к идеальным объектам, которые не имеют ничего телесного. «Я, который мыслю, - пишет Декарт, - есть нематериальная субстанция, не имеющая ничего телесного». «Мышление – всё то, что созерцается в нас осознанно, поскольку мы это понимаем» [15]. А мышление для Декарта – основной атрибут души, поэтому мыслить – то же, что понимать, хотеть, воображать, чувствовать [16]. Единственным способом познания души, её мышления, является «разумение». Таким образом Декарт закладывает основы метода интроспекции, который становится единственным методом психологии на долгое время.

Решение психофизической проблемы

Говоря о дуализме нельзя обойти решение Декартом психофизической проблемы.

Психофизическая проблема – вопрос соотношения и отношений души и тела – центральный вопрос многих философских систем, но для психологии он является наиболее критичным. Из-за того, что основные принципы научного знания были сформулированы для естественных наук, само существование психологии как науки ставилось под вопрос до тех пор, пока нельзя было отыскать физическое в психологии.

В истории философии и психологии намечается три основных пути решения психофизической проблемы [1].

Первый путь лежит в отрицании границ между душой и телом. О *тождестве психического и физического*, если обратиться к психологии, говорил, например, Сеченов. В своей работе «Кому и как разрабатывать психологию» [31], основываясь на родстве психических явлений и физических процессов в организме, он утверждал, что психологом-аналитиком может быть только физиолог.

Второй вариант – *психофизический параллелизм* – Вебер [7] определял следующим образом: «я предполагаю ряд состояний сознания – А, А', А'' и т.д. и соответствующие им состояния мозга и тела В, В', В'' и т.д.». Расширяя это определение, можно сказать, что психическое и физическое связаны каким-то необъяснимым образом так, что процессы в них протекают одновременно и сонаправленно. Сегодня Декарт считается родоначальником психофизического параллелизма [1]. Тем не менее, самого Декарта сложно назвать параллелистом и в этом разделе мы попытаемся объяснить почему.

Всё, что в человеке и других физических объектах есть общего, по Декарту, - есть человеческое тело. Всё остальное - душа. Чтобы быть живым тело не нуждается в душе. Необходима лишь целостность органов. Хорошим примером здесь является животное - оно обладает ощущениями и основными инстинктами, не обладая при этом душой.

Человека же от животного отличает наличие мыслей и речи. Смерть тела является результатом разрушения какого-то органа. Тепло и движение частей тела возникают в теле, мысли же – в душе. И ошибочно полагать, что душа даёт телу движение и тепло [18].

При этом выделение в человеке атрибута ума – мышления – и атрибута вещи – протяжённости – предполагает, что одно не может быть познаваемо, исходя из другого, в том смысле, что законы, действующие в душе, отличны от законов, действующих в телах. До сего момента Декарт остается параллелистом. Но существование такого явления как страсти души приводят его к необходимости установить связь между душой и телом. И тут Декарт выходит за рамки своего дуализма. Он допускает возможность существования быстрых и маленьких частичек – животных духов – которые могут воздействовать на движения тела и одновременно являться носителями психической деятельности. Поэтому ранний параллелизм Декарта заменяется идеей взаимодействия. Схожие концепции позже были названы интеракционизмом. Чтобы более подробно понять эту точку зрения, рассмотрим подробнее «психофизиологию» Декарта.

Как уже говорилось выше, к изучению отношений души и психики Декарта привели проблемы страстей. «Страсти души – восприятия, или ощущения, или душевные движения, которые относят в особенности к ней и которые вызываются, поддерживаются и усиливаются некоторыми движениями духов» [18]. Начало любого движения тела и любой его функции лежит в сердце, благодаря огню. От сердечной теплоты кровь расширяется и двигается по сосудам. Так наиболее лёгкие и быстрые частицы поступают в мозг. Те частицы, которые наиболее малы, попадают через поры в нервы. Это и есть животные духи.

Животные духи двигаются по организму, благодаря чему происходят и восприятие, и движение. Мышцы сокращаются, когда к ним попадает больше животных духов. Процесс восприятия ещё более интересен. Разнообразные движения, возбуждённые в органах чувств передаются нервам, которые состоят из трёх частей: сердцевины (с внутренним веществом), оболочки и животных духов. В этом плане любой процесс восприятия похож на ощупывание земли палочкой слепого.

Душа связана со всеми частями тела в совокупности [18]. В мозгу есть железа, в которой «душа более, чем в прочих частях тела, осуществляет свою деятельность». Душа приводит железу в движение и это движение сообщается животным духам. Из-за различной организации мозга разных людей, одни и те же причины могут приводить к разным страстям.

Какова же тогда власть души над телом? Как уже говорилось выше, есть два рода мыслей. Первые – результат действия только души. Они подчиняются нашей воле и не

могут быть изменены телом. Второй род мыслей – страсти – начинается в теле и зависит от действий их порождающих и только косвенно может быть изменён душой. Таким образом, человек может справиться со страстью, только переключив свое внимание на другой предмет и другое действие. Причиной этого является то, что страсть приводит к волнениям крови и духов.

Используя понятие «животных духов» Декарт объясняет и процессы памяти и воображения. Когда нам необходимо что-либо вспомнить железа наклоняется и духи ищут «следы» - поры, проделанные от прежних движений в мозге. Вообще, каждое желание естественно связано с каким-нибудь движением железы. Но при старании или по привычке его можно соединить и с другим движением. Благодаря этому мы можем произвольно направлять наше внимание, воображение и двигать тело.

Таким образом, вводя «животные духи» Декарт уходит от психофизического параллелизма, объясняя механизмы взаимодействия души и тела.

§4. Ещё немного о Декарте и картине мира Нового времени

М.К. Мамардашвили в лекциях, посвященных картезианской мысли, говорил: «Его [Декарта] тексты представляют собой не просто изложение его идей или добытых знаний. Они выражают реальный медитативный опыт автора, проделанный им с абсолютным ощущением, что на кон поставлена жизнь и что она зависит от разрешения движения его мысли и духовных состояний, метафизического томления» [25]. Анализируя работы любого автора, нельзя забывать о том, что за строчками, донесёнными до нас через века, стоит живой человек, живой ум. Последовательный дуализм Декарта, дополненный аналитическими правилами размышления, заставляет нас предположить, что его концепция была, в том числе, результатом индивидуального склада ума мыслителя. Тем не менее, благодаря трудам Декарта аналитическая установка возобладала в европейской культуре на долгое время.

В изложении требований к методу Декарт определил основные принципы европейской науки. Находясь в поисках точки отсчёта для любого познания, то есть точки, не поддающейся сомнению, Декарт вводит понятие мыслящего Я, Я-субстанции, субъекта, воспринимающего прежде всего себя самого, а уж потом – внешний протяжённый мир. Так окончательно оформился *субъект-объектный подход* к познанию, характерный для европейской цивилизации. Объектом оказывает все, что нельзя назвать человеческой мыслью, собственно познающим субъектом.

Для Декарта ценно знание, которое безусловно повторяемо и воспроизводимо любым наблюдателем и в любом месте, ведь мы не можем полагаться на авторитеты и должны в любой момент иметь возможность проверить излагаемое знание.

Введение двух субстанций ещё более закрепляет субъект-объектные отношения человека Нового времени к миру. Мир тел (вещей) подчинён физическим законам, законам механики. Рассматривая основные черты субъект-объектной парадигмы Л.И. Яковлева пишет: «Механистическая модель мира полагает объект неодушевлённым, в ней он лишается способности целеполагания, воления, чувствования, таким образом объект оказывается представленным безжизненным, функционирующим по строго определённым законам, с которым можно проводить необходимые человеку манипуляции. Человек, вынесенный за пределы такого мира, наделяется прямо противоположными ему качествами: он свободен, а значит, он хочет и волит, он может ставить свои цели и разумно достигать их» [41]. Развитие идей Декарта в картезианскую мысль привело к укреплению этой парадигмы. Кроме того, дуализму Декарта мы обязаны последующим разделением наук на науки о природе и науки о духе.

Резкое отделение познающего субъекта от познаваемого мира привело к ещё одному важному последствию. До Нового времени европейский разум ставил себя над природой, но признавал себя её частью. Это было основным моментом религиозного мировоззрения. В Библии мы читаем: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт.2:19 [8]). Бог создал человека и дал ему право назвать именами всё сущее, но он же возложил на человека ответственность за природу: «И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт.2:15 [8]). Изгнав человека из Эдема, Бог наказал Адаму «возделывать землю, из которой он взят» (Быт.3:23[8]). Таким образом, уже Библия закладывает в человеке установку на преобразование действительности. Но Декарт выводит человека из мира природы, ставит его перед миром как перед книгой. Физические законы мира, представленные им как всеобъемлющие законы механики, закладывают основу европейского технократического взгляда на мир европейца.

Выделение материальной субстанции как протяженной отразилось на понимании в науке объективности явления. Изучаемым является предмет протяженный, который можно померить. Декарт в некотором смысле разровнял пространство и время для будущей физики. Если для любого человека интуитивно понятна необратимость времени, время у Декарта может менять своё течение для установления причинности. В психологии

Курта Левина ясно была показана неоднородность жизненного пространства, но её не существовало для картезианской мысли.

Вторым и третьим правилом для руководства ума Декарт закладывает установку на аналитичность знания. Данный подход предполагает, что сложная проблема может быть решена на элементарном уровне и что предмет исследования необходимо должен быть разложен на более простые составляющие. Когда говорят о формировании научного знания и классического идеала рациональности, предполагается принятие гносеологией и наукой этих принципов как основополагающих.

§5. Значение Декарта для психологии

1. Значение философии Декарта для развития научного знания и картины мира Нового времени неопределимо. Если вдуматься в требования, выдвинутые к методу познания, можно увидеть будущие основные принципы любого научного знания, в том числе психологии. Таким образом, Р.Декарт становится у основ «метанауки» - особого раздела знания, посвященного основным проблемам и парадоксам научного знания.
2. Своим учением о сознании, развиваемым в контексте психофизической проблемы, он ввёл критерий для выделения психики из существовавшего до него аристотелевского учения о душе [20].
3. Выделением особого метода познания души – разума – Декарт обосновал психологию как отдельную науку – науку о сознании. И предопределил основной метод исследования сознания, лёгший в основу классической психологии, - интроспекцию. Важно лишь помнить, что сам Декарт не говорил о научном познании души. Сознание было для него отправной точкой любой науки вообще, как Я, которое не подвергается сомнению.
4. Обращаясь к природе страстей, Декарт впервые включил в них телесный компонент (духи) и рассматривал страсти вне этической оценки, утверждая что сами по себе страсти ни хороши, ни плохи [18]. Также, в учениях о страстях он впервые заявил о предметности психической деятельности.
5. Именно Декарт внёс в науку на долгое время дуализм субъективного и объективного, который в период психологического кризиса вылился в противоречия между науками о поведении и науками о сознании и психике. Он же привнёс в естественнонаучное знание ценность эксперимента и объективности знания.

6. Декарт наметил основные пути решения психофизической проблемы: параллелизм и взаимодействие, которые являлись единственными вариантами решения этой проблемы в психологии очень долгое время.
7. Тенденция к спиритуализации высших форм психической деятельности тоже произошла от философии Р. Декарта. Декарт полагал, что душа может быть познана только из самой души, и никакое познание механизмов тела не может дать объяснения душевной деятельности.
8. Декарт ввёл понятие рефлекса и этим положил начало естественнонаучному анализу поведения животных и части человеческих действий. Его учение о «духах» - попытка механистического объяснения психологии, подхваченная позже ассоционистами, Вундтом, Павловым, бихевиористами и т.д.

Собственно в картезианстве Выготский видел все корни психологического кризиса начала XX века и в противовес ему пытался разработать позитивную методологию, основанную на учении Спинозы [11]. К сожалению, яркость фигуры Декарта подталкивала к подобному выводу. След, оставленный им в науке, невозможно не заметить. Но не все последующие ошибки, особенно в психологии, следовали непосредственно из учения Декарта, а многие из них были следствием недопонимания его идей. Например, сам Декарт не предлагал использовать анализ для душевной жизни. Основное отличие души от тела и состояло в неделимости первой. Феномен, названный М.К. Мамардашвили, «классическим идеалом рациональности», складывался на протяжении всей истории европейской культуры, а философия Декарта была лишь одним из культурных источников, из которого наука успешно питалась в течение, как минимум, двух сотен лет.

Глава 2. Основные идеи Бенедикта Спинозы (1632-1677) применительно к психологии

В предыдущей главе мы лишь отчасти рассмотрели, каково было влияние системы картезианского мышления на формирование мировосприятия европейцев. Во многом оно усилило тенденции, заложенные уже в античности, и привнесло что-то своё. Влияние Декарта сильно отразилось на всей философии Нового времени и последующих периодов. Так многие считают [20, 28], что Декарт поставил основные проблемы, которые в последствии решали многие мыслители, в том числе Барух д'Эспиноза. По оценке Гегеля, он снял дуализм имеющийся в философии Декарта[20].

При жизни Спинозой были опубликованы только два труда: «Основы философии Декарта» (1663) и «Богословско-политический трактат» (анонимно, в 1673 году). «Этика», главный философский труд Спинозы, была издана уже после его смерти вместе с другими трактатами в «Посмертных сочинениях» (1677). По сути, «Этика» являлась систематическим изложением всей философии Б.Спинозы [28].

Несмотря на влияние картезианской мысли на творчество Спинозы (которое видно уже из названия первого его трактата), нашей задачей будет рассмотреть в этой главе самобытность мышления и основные отличия философии Спинозы от философии Декарта.

§1. «Геометрический метод» Спинозы

Спиноза, в отличие от Декарта, для познания не нуждается в восприятии познающего субъекта. Он говорит: «Истинная идея¹ есть нечто, отличное от своего содержания... Будучи отличным от своего содержания, идея явится и сама по себе чем-то доступным пониманию, т.е. идея в отношении её формальной сущности может быть объектом другой объективной сущности, а эта другая объективная сущность снова, рассматриваемая *per se*, будет чем-то реальным и доступным пониманию, и так без конца... Отсюда ясно, что для понимания сущности нет необходимости понимания самой идеи... Достоверность есть не что иное, как сама объективная сущность, т.е. способ, каким мы воспринимаем формальную сущность, есть сама достоверность» [33]. Таким образом Спиноза обосновывает мысль о том, что, чтобы знать, нет необходимости знать о

¹ Под идеей Спиноза понимает «понятие, образуемое душой в силу того, что она есть вещь мыслящая» [34].

том, что я знаю. И точкой отсчёта у Спинозы становится не декартовское *cogito*, а само наличие «истинной идеи», которая нам доступна через интуицию.

Философия познания крайне важна в работах Бенедикта Спинозы. В «Трактате об усовершенствовании разума...» [33] познание устанавливается как основная характеристика и цель человеческой жизни. «Высшее же благо, - писал Спиноза [33], - это достижение того, чтобы вместе с другими индивидуумами, если это возможно, обладать такой природой. Что такое эта природа, мы покажем в своем месте, а именно, что она есть знание единства, которым дух связан со своей природой. Итак, вот цель, к которой я стремлюсь, - приобрести такую природу и стараться, чтобы многие вместе со мной приобрели её». Так гносеологические проблемы подчиняются этическим. Чтобы достичь *summum bonum* (высшего блага) нужно сперва «придумать способ врачевания разума и очищения его». Для этого Спиноза обращается к умозрительному изучению человеческого восприятия.

В учении о познании Спиноза выделяет четыре основных источника знания (восприятия) [33]. Первый род знания нами приобретается понаслышке (*ex audī*) или по «какому-либо произвольному признаку» (*ex aliquot signo*). Это *слухи*. Второй источник знания – беспорядочный, то есть не руководимый разумом, *опыт* (*experientia vaga*). Третий – путь от общего к частному, когда «когда выводится *закключение* из какого-нибудь общего явления, которому всегда сопутствует какое-нибудь свойство» [33]. К третьему же роду познания относятся случаи, когда «мы по некоторому *следствию* находим причину» [33]. Но только последний, четвертый, путь познания «охватывает сущность вещей адекватно и без опасности» [33]. Это *интуиция* – «восприятие, при котором вещь воспринимается единственно через её сущность или через познание её единственной причины». Первые два источника дают нам способности *мнения* и *воображения*. Третий и четвёртый источник дают пищу *разуму*, который в дальнейшем приводит человека к общим идеям о существенных свойствах вещей.

Но и интуицией необходимо уметь пользоваться на верном пути и с помощью правильного метода. Для картины мира Нового времени было характерно видеть идеальный метод аналогичным математическому. Галилей был убеждён, что «книга природы написана на языке математики» [28]. В одном из основных своих произведений – «Этике» - Спиноза пытается применить геометрический метод к построению философских суждений. Читатель, взявший её в руки, сразу сможет заметить отличие от Декарта: Спиноза излагает свои мысли в форме определений, аксиом, лемм, теорем и их доказательств, схолий и короллариев. Такой способ изложения был призван обеспечить объективность, исключить субъективные пристрастия, оценки и личное мнение автора,

сделать философское знание столь же строгим доказательным, как геометрия. В «геометрическом способе» заключался и метод открытия новых истин [28].

Стиль изложения Р. Декарта был обращён к читателю-собеседнику. Это мнение ещё более укрепляется от того, что огромное наследие мировой философии составляет его переписка с большим числом выдающихся людей Нового времени. «Этика» Б.Спинозы похожа на учебник математики, излагающий, пусть и путём доказательства, но непреложные истины. Возможно, это предопределило меньшую «популярность» идей Спинозы не менее, чем запрет властей на распространение «Посмертных сочинений».

§2. Монизм и пантеизм

Когда мы говорили о «точке отсчёта» в системе познания Спинозы, было введено понятие «истинной идеи». Но что является гарантией истинной идеи?

Первое определение, которое даёт Спиноза в «Этике», первая и основная посылка всей его философии, звучит так: «Под *причиною самого себя (causa sui)* я разумею то, сущность чего заключает в себе существование, иными словами, то, чья природа может быть представляема не иначе, как существующею» [34]. Такая «причина самого себя» у Спинозы одна – *субстанция*, «то, что существует само по себе и представляемо через себя» и «не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться» [34].

Эта субстанция, Бог, представляется Спинозе, обладающей бесконечным числом атрибутов², из которых «каждый выражает вечную и бесконечную сущность» [34]. Но человеку доступны для познания лишь два атрибута. В этом смысле, тело – такой же атрибут Бога, как и душа. Модусом, соответствующим телу, является протяжённость, душе – мышление. Но в совокупности всё есть единая природа. Но «протяжение и мышление больше не воздействуют друг на друга (как у Декарта), а соответствуют друг другу и в этом соответствии не отделимы друг от друга в субстанции» [20]. Подобный *монизм* Спиноза противопоставляет картезианскому дуализму.

Отказавшись от дуализма, Спинозе пришлось также отказаться от идеи Личного Бога. Его учение говорит об имманентности Бога миру, об их нераздельности. Таким образом ставится знак равенства между природой и Богом. Поэтому Спинозу нередко обвиняли в атеизме [28]. На самом же деле природа в «Этике» не сводится к материальному миру, как он понимался Декартом. Спинозианская природа включает

² Под атрибутом Спиноза понимает «то, что ум представляет в субстанции как составляющее его сущность» [34].

наравне и материю, и дух. В них действуют одинаковые законы, точнее будет сказать, один закон и один порядок.

Постоянство и единство закона субстанции приводит Спинозу к жёсткому детерминизму. В следующем параграфе мы рассмотрим проблему страстей в «Этике» Спинозы в связи с вопросами свободы и посмотрим, удалось ли автору снять «психологический дуализм» столь же успешно, как «онтологический».

§3. Учение об аффектах. Проблема свободы

Под аффектами Спиноза понимает состояние тела, которое повышает или понижает способность самого тела к действию, благоприятствуют ей или ограничивают ее, а вместе с тем и идеи этих состояний [34]. Учение об аффектах включает вопросы о происхождении аффектов, о человеческом рабстве или о силе аффектов и о могуществе разума или человеческой свободе [20]. Спиноза рассматривает аффекты как естественные проявления природы: «из природы человеческого тела необходимо следуют аффекты, из природы человеческого духа следуют идеи этих аффектов; поэтому из существа человеческой природы необходимо следуют аффекты» [34].

До Спинозы аффект рассматривался как природные пороки человека. В «Этике» он далёк от такого понимания аффекта. Аффекты лежат в основе самосохранения. В этом смысле, удовольствие всегда «хорошо» для человека, а «неудовольствие» - плохо. Аффекты у Спинозы так же предметны, как и страсти у Декарта. В принципе, аффектов существует столько, сколько предметов для аффектов.

Спиноза выделяет три основных аффекта: желание, удовольствие, неудовольствие. Из первичных аффектов образуется все многообразие страстей на основе трех принципов: 1) путем изменения нашего представления о предмете, 2) через сопереживание и 3) по ассоциации [20].

Страсть как чрезмерно сильный аффект – пассивное состояние для человека. «Спиноза не согласен со стоиками в том, что аффекты абсолютно зависят от человеческой воли и можно безгранично управлять ими» [20]. В четвертой части «Этики» он говорит о силе аффектов и о человеческом рабстве, «ибо человек, подверженный аффекту, уже не владеет самим собой, но находится в руках фортуны, и притом в такой степени, что он хотя и видит перед собой лучшее, однако принужден следовать худшему». Хотя аффект у Спинозы не подчинён целиком воле, как страсти Декарта, Спиноза предлагает ряд способов борьбы с аффектами: замена более сильным аффектом и познание аффекта.

Таким образом, у Спинозы на первый план выступает не противопоставление «страсть тела – влечение души», свойственное Декарту, а другая координата – «аффект –

интеллект». Тем не менее, противопоставление это существует. Разделение и противопоставление аффекта и интеллекта для психологии эмоций станет в некотором смысле камнем преткновения.

Противопоставление пассивности тела, подверженного физическим законам, активности разумной души у Декарта мы назвали выше «психологическим дуализмом». Спиноза пытается избежать его, вводя принцип детерминизма. Человек, как и всё в мире, необходимо определён к какому-либо действию (и душой, и телом). Человек – раб, если он руководствуется пассивными аффектами и смутными идеями, и он же свободен, когда живет разумно, в соответствии со своей сущностью. «Степень свободы совпадает со степенью его разумности» [28]. Аффект пассивен, когда он вызван извне, когда мы познаем аффект и образуем о нём истинную идею, он перестает быть пассивным и становится аффектом разума. Здесь свобода противопоставляется не необходимости (как у Декарта), а принуждению. Таким образом, свобода оказывается признаком разума. И мы попадаем в плен нового «психологического дуализма» - противопоставления аффекта и интеллекта.

§4. Спиноза и картезианство

Существует такое мнение: несмотря на то, что Спиноза выступал в качестве популяризатора философии Декарта и стремился преодолеть ее внутренние затруднения, его можно рассматривать как антагониста Декарта [28]. Концепция Спинозы во многом родилась в противовес основам картезианского учения. Для удобства основные моменты расхождения этих двух учений, принципиальные для психологии, вынесены в таблицу (Таблица 1). Здесь мы рассмотрим их более подробно.

Спиноза критиковал в учениях Декарта дуализм, выражающийся в существовании двух субстанций и дуализм, в результате необходимый в отношении принципа причинности, выделение принципов причины и целеполагания, являющихся основаниями в мире, соответственно, материи и души [20]. Как уже было отмечено выше, дуализму Декарта Спиноза пытается противопоставить единство человека, его души и тела. Тем не менее, Спинозу сложно назвать последовательным монистом. В решении психофизической проблемы у Спинозы всё равно проскальзывает параллелизм. Так, например, аффект – это всё-таки идея, которая принципиально отличается от существующих материальных вещей. Постулируемое единство тела и души, тем не менее, не спасает Спинозу от существования тех же двух видов причинности, что и у Декарта. Проблему дуализма материального и идеального у Спинозы так и не снимается.

Проблема взаимодействия души и тела, поставленная у Декарта, для Спинозы теряет смысл, так как душа и тело есть одно.

Спиноза считает, что человеческая воля подчинена причинности высшего порядка, недоступной человеческому пониманию. Поэтому некоторым людям может показаться, что они вольны выбирать, как им действовать. Допущение свободы воли человека кажется Спинозе ошибкой.

В последнее время наметилась тенденция преуменьшать влияние Декарта на философию Спинозы [28]. Подчеркивают, что Спиноза во многом опирался на древнюю и средневековую философию (включая схоластику и еврейских мыслителей) и философию возрождения. Тем не менее, поле проблем и вопросов философии обоих авторов во многом задавалась эпохой, поэтому их взгляд был обращен на одни и те же предметы. Но неповторимое своеобразие внутреннего мира привели Спинозу и Декарта к разным результатам, но схожим противоречиям.

§5. Значение Спинозы для психологии

«Именно Спиноза боролся за естественное материалистическое причинное объяснение человеческих страстей. Именно он явился тем мыслителем, который впервые философски обосновал самую возможность объяснительной психологии человека как науки в истинном смысле этого слова и начертал пути её дальнейшего развития»– так оценивал значение Спинозы для психологии эмоций Л.С. Выготский. Рассмотрим более подробно последствие идей «Этики» в науках о психике:

1. Спиноза – первый, кто поставил проблему единства интеллекта и аффекта.
2. Спиноза противопоставляет волюнтаризму ограничение свободы воли высшей причинностью.
3. Учение о познавательных способностях существенно расширяет рационалистический подход Декарта.
4. Причину психологического кризиса начала XX века Л.С. Выготский [11] видел в противоречивости картезианского мышления, составившего основу психологического знания на протяжении двух веков, в то время как в подходе Спинозы надеялся найти выход из сложившейся ситуации.
5. Критика Декарта безусловно было полезной и основательной, но, к сожалению, самому Спинозе не удалось противопоставить противоречивой картезианской системе целостную картину.
6. В метапсихологию Спиноза внёс следующие важные положения [42]:
 - о принципиальной неотделимости души от тела;

- о том, что предметом психологического познания должны быть конкретные психические явления, а не абстрактная душа;
- эти явления объяснимы универсальными законами природы и поэтому учение о психике – часть учения о мире;
- законы природы являются строго причинными, поэтому телеологию из психологии необходимо исключить.

Уже по описанию основных положений, выработанных Спинозой и Декартом, можно заметить, насколько больше проработаны картезианские идеи в психологии. Очевидно, что обращение Выготского к работам Спинозы в момент психологического кризиса, не является случайным. Тем не менее, до сих пор проработка наследия Спинозы в психологии является делом настоящего и будущего времени.

Глава 3. Две линии мышления

В двух первых главах мы рассмотрели основные идеи Рене Декарта и Бенедикта Спинозы. Особенно важно нам было выделить их мысли относительно психологии. Противопоставление этих идей, а также степень их влияния на развитие психологического знания позволяет утверждать о существовании двух линий мышления в науке: картезианского и спинозианского.

Наука Нового времени как специфически западный способ познания возникла в рамках механистической картины мира, в которой человек в качестве познающего и действующего субъекта исключен из мира и противопоставлен ему [41]. Такая наука опирается на картезианское мышление, или классический идеал рациональности. Для него характерны [24]:

1. Принцип теоретического выражения мысли, когда на основе наблюдений реальности конструируется теория, выводами из которой являются факты, доступные экспериментальному исследованию.
2. Предпочтение исследования материальных предметов. При этом основу определения материи составляет её пространственная протяжённость.
3. Принцип рефлексивности наблюдения: содержание сознания совпадает с самосознанием (декартовский принцип *cogito*).
4. Непрерывность опыта, предполагающая существование некоего единого сознания, сверхсознания, научной мысли. Знания одного субъекта фактически ничего не значат, если оно не может стать достоянием такого единого сознания.

Сложность или даже невозможность применения данных принципов к некоторым областям знания (например, истории и психологии) привели к разделению знания на гуманитарное и естественнонаучное. Но позже было выяснено, что субъект-объектную парадигму сложно сохранить и в естественных науках. Было, например, показано влияние воспринимающего субъекта на объект, принимаемое как один из принципов квантовой механики.

Субъект-объектного дуализма не было (или он был менее выражен) в философии Спинозы. Но значит ли это, что его философия полностью свободна от противоречий картезианского мышления? Как было отмечено выше, философия Спинозы была во многом ответом на поставленные Декартом вопросы. Рассуждая о возможности построения позитивной метафизики, А. Бергсон писал: «Понятия ... возникают обыкновенно парами и представляют собой две противоположности. Не существует

конкретной реальности, на которую нельзя было бы иметь разом двух точек зрения друг другу противоположных» [6]. Возможно, то же случилось с Декартом и Спинозой: рассматривая один и тот же предмет, может быть, даже имея сходный «медитативный опыт», при попытке его описать они пришли к разным точкам зрения. Но были ли эти точки противоположными и несовместимыми?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы обратимся к стилям мышления обоих авторов и постараемся понять, что понимается под картезианской и спинозианской линиями мышления в психологии. Далее мы рассмотрим, каким образом на основе этого разделения видится построение новой неклассической психологии и является ли она спинозианской.

§1. Картезианское и спинозианское мышление в психологии

Основной чертой картезианского мышления является его *дуалистичность*, которой Спиноза попытался противопоставить монизм. При этом необходимо различать сами философские воззрения указываемых авторов (таблица 1) и то, что мы в дальнейшем будем именовать двумя линиями мышления (таблица 2).

Спиноза лишь наметил основные недостатки картезианского учения. К сожалению, ему не удалось в полной мере противопоставить Декарту систему, которая была бы приемлема в условиях научного и философского знания XVII века [42]. Это одна из причин доминирования картезианских воззрений в последующие два-три века.

Идеи Декарта воплотили в себе всю противоречивость западной цивилизации. В последствии они легли в основу позитивистской установки, тем самым окончательно узаконив своё положение в мире методологии, в том числе методологии психологии.

Вкратце, линию развития идей Декарта в психологии можно выразить следующей триадой: *дуализм, атомизм, редукционизм* [20].

Первое требование к методу привело к доминированию в психологии метода интроспекции фактически до начала XX века. Второе требование к методу позволяет исследовать не человека, а отдельные его стороны, забывая о целом субъекте. Из третьего требования к методу непосредственно проистекали ассоцианизм, от которого отталкивалась первая экспериментальная психология. Большинство проблем, до сих пор разбираемых психологией, поставлены в рамках учения Декарта. Нельзя не отметить его идеи о телесности страстей и их предметности. Из решения психофизической проблемы в духе параллелизма легко проистекали возможные способы изучения физиологических основ психики. Не говоря уже о том, что Декарт первым выделил психологию как самостоятельную науку и дал ей собственный предмет – сознание [20].

Обращаясь к работам Спинозы легко заметить, что они полны своего рода эклектизма. В целом, Спиноза следует декартовским требованиям к методу, хотя и отказывается от дуализма субстанций. Но проблемы, сформулированные им в рамках учения об аффектах, не поддаются решению в рамках естественнонаучного подхода, который лёг в основу мировоззрения Декарта и в основу науки о сознании. Это другая, возможно, ещё более действенная причина первоначального неприятия основ спинозианского мышления в научном мире. Тем не менее, намеченные им пути необходимо реализовывались в последствии.

В отечественной психологии с именем Спинозы накрепко связано имя Льва Семёновича Выготского. Проблемы психологии начала двадцатого века Выготский видел в картезианских истоках всей академической психологии. «Кризис современной психологии эмоций, - писал он, - распавшейся на две непримиримые и враждующие друг с другом части демонстрирует нам историческую судьбу не спинозистской, но картезианской философской мысли» [11]. В итоге в истории психологии как науки появилось две психологии: физиологическая и душевная [10].

Критикуя периферическую теорию эмоций Джемса-Ланге являющуюся выражением «физиологической психологии», Выготский рассматривал их как прямое следствие идеи психофизиологического параллелизма, заложенной Декартом. Опираясь на «Этику» Спинозы Выготский говорил об «идеотелесной» вещи, включённой в целостный поток мироздания, объединяющий и мир природы, и мир общества. Принцип причинности у Декарта означал *механодетерминизм*, что повлекло за собой трактовку эмоций (страстей) как страдательных состояний души, вызываемых изменениями в «машине тела». «Что же касается истинно человеческих активных состояний (мышление, воля), то они относились, согласно картезианской концепции, к бестелесным актам, конечная каузальная инстанция которых – индивидуальный субъект» [45]. Спиноза тоже был детерминистом, но совершенно в другом смысле. Монизм предполагал единый принцип причинности для обоих атрибутов субстанции. Таким образом, он заложил методологические основы построения новой научной теории, предметом которой, согласно Выготскому, должен быть *человек как целостное и активное психофизическое существо, стремящееся к саморазвитию, движимое единными психо-телесными потребностями*.

Попыткой обратиться к наследию Спинозы была описательная психология жизни Дильтея – это один из видов «душевной психологии». Основной категорией методологии психологии жизни становится «понимание» в противовес «объяснению». Понимающая психология не должна оставаться в рамках описания сознания и не должна быть тождественной рационалистическому познанию, напротив, описательная психология

должна выяснить невозможность того, чтобы переживания были описаны понятиями. «Что такое человек, можно узнать не путем размышления над самим собой и даже не посредством экспериментов, а только лишь из истории». Критикуя описательный подход, Выготский отмечает [11], что эти работы больше вобрали в себя картезианского мышления, нежели Спинозианского. Попытка найти выход из сложившегося кризиса приводит Выготского к чрезмерной идеализации подхода Спинозы. В его понимании, Спинозистская психология не может основываться ни на каких картезианских установках.

Описывая жизнь Выготского, Ярошевский говорит, что ему просто не хватило жизни, чтобы построить позитивную Спинозианскую методологию. Нам же кажется, что на самом деле чистая Спинозианская психология вряд ли возможна. Как уже говорилось выше, картезианское мышление многое дало и продолжает давать экспериментальной психологии. Целиком отказываясь от дуализма, велика опасность потерять специфику именно психологических явлений. Кроме того, необходимо помнить о большом количестве точек соприкосновения Декарта и Спинозы и о необходимости смотреть на вещи «в разных измерениях». Попытки объединить человека в целостность дали современной психологии деятельностный и экзистенциальный подходы. Только вот рассматривать их как чисто картезианские или чисто Спинозианские сложно.

Так ли противоположны, в сущности, рассматриваемые линии мышления? Ведь проблемы, встающие перед Спинозой и Декартом, одни и те же. Разным является лишь их решение и акценты, расставляемые авторами. Картезианский и Спинозианский подходы оказываются по-разному эффективны в приложении к разным явлениям: например, простейшее научение легче объясняется с позиций Декарта, а явление экзистенциального вакуума – с позиций Спинозы.

За разницей между подходами Декарта и Спинозы видны два стиля мышления: аналитический и синтетический. Говоря о когнитивном стиле Выготского, Ярошевский выделял такие основные признаки: «диалогизм, методологизм, неколебимую веру в суверенитет психологической причинности, междисциплинарную и межкультурную ориентации [44]». И все эти признаки говорят о синтетичности мышления Выготского. Возможно, поэтому своим философским идеалом он выбрал именно Спинозу.

На наш взгляд, ошибочно в основу разделения принципиально разных и противоположных методологических подходов класть личные особенности их основателей. Как и два стиля мышления человека, так и два стиля научного мышления призваны помочь познанию. Значит, скорее, стоит говорить не о двух принципиально разных линиях мышления, а о двух взаимосвязанных *стилях научного мышления*.

§2.«Картезианская» и «спинозианская» психология. Точки дивергенции

Выше мы показали, как особенности аналитического мышления Декарта и синтетического мышления Спинозы Выготский пытался положить в основу построения новой «спинозистской» психологии. Сам Выготский не смог завершить построение позитивной методологии психологии, целью которой было бы построение теории «целостной личности как интеграла телесного и духовного» [44].

Во введении к настоящей работе мы упомянули о том, что в начале двадцатого века психология вступила в период «открытого кризиса», который вылился в существование большого количества «психологий», каждая со своим предметом и методологией. Основной причиной такого положения дел Выготский указывал разрыв между психологией и практикой. «Главный урок кризиса виделся ему в том, что нельзя сойти с высот философии в клинику или лабораторию, минуя опору на особый познавательный аппарат, в котором представлена частная методология конкретной науки» [44]. Таким аппаратом психологии должна была стать «общая психология». Выготский понимал под этим термином не академическую психологию процессов, а метанауку психологии, призванную построить единую методологию применимую и к психологии животных и к психологии человека, и к психологии пациента и к психологии здорового человека.

В метапсихологии сегодня принято говорить не о линиях мышления, а о необходимости построения принципиально новой психологии, которую в противовес классической, «картезианской», называют «спинозианской». Рассмотрим основные отличия этих двух психологий.

Говоря о классической методологии, Бергсон писал: «мыслить обычно – значит идти от понятий к вещам, а не от вещей к понятиям». А классические понятия современного европейского мышления были заложены ещё в Новом времени Декартом, Ньютоном, Локком, Лейбницем и рядом других мыслителей. «Неклассическая психология – это изменение стиля мышления, которое принесли Спиноза, Выготский, Бор»[2]. Сегодня мы нуждаемся либо в новых понятиях, либо в принципиально новой методологии, отказывающейся от понятийного мышления. Какими же должны быть понятия и принципы неклассической психологии?

Основные постулаты неклассической психологии

- **Личность** во всей её цельности должна быть предметом новой психологии. Ранее предметом психологии были «человек воспринимающий» (гештальтпсихология), «человек запрограммированный» (бихвиоризм), «пациент» (психоанализ), «клиент», но не человек как он есть. Большинство

психологий смотрят на человека с какой-то одной стороны. В. Франкл говорил о необходимости построения мультидименциональной антропологии [39], то есть охватить человека с разных точек зрения и в разных аспектах его жизни, разглядеть его «проекции на разные плоскости» жизни биологической, социальной, духовной.

- **Опосредствованность психических процессов** противопоставляется неклассической психологией постулату непосредственности, согласно которому «объективная действительность непосредственно воздействует на психику субъекта и однозначно определяет возникновение вслед за этим воздействием проявления его психики и поведения» [3]. На самом деле все психические процессы включены в сложные цепочки внутреннего и внешнего опосредствования, которые являются следствием активного взаимодействия субъекта с реальностью (под взаимодействием мы подразумеваем взаимное влияние субъекта и реальности). Постулатом непосредственности было поражено не только мышление Декарта, но практически всех его современников-европейцев, включая Спинозу. Этот пункт картезианской методологии заставлял представителей классической психологии искать прямой метод изучения и измерения психики.
- **Активность** противопоставляется реактивности [5]. В картезианской картине мира тела живых существ воспринимались как «машины», автоматически действующие в материальной среде. Человек же, наделённый мышлением и разумом, мог подчинять свое тело другого рода причинности – целеполаганию. Тем не менее, процессам в организме, например, страстям разуму и воле фактически нечего противопоставить. Так в классической психологии утвердилось представление о том, что вся психика человека сугубо реактивна. *Реактивностью* мы называем свойство объекта отвечать определённой реакцией на стимул или ряд стимулов. Квинтэссенцией такого представления является бихевиоризм, определяемый автором этого направления как наука о поведении. При чём, под поведением понимались «все поступки и слова, как приобретённые, так и врожденные; то, что люди делают от рождения и до смерти; каждая реакция в ответ на внешний стимул» [37]. При этом такие понятия как «намерение», «образ», «сознание», «апперцепция», «свобода», «вина» и пр. предлагалось из объяснения поведения как реакции на стимул исключить. Принципу реактивности должен быть противопоставлен принцип активности, как

способности субъекта к осуществлению своего поведения без каких-либо внешних стимулов, а ради цели как образа желаемого результата. В пользу активности психики свидетельствуют многочисленные факты пристрастности психического отражения.

- **Предметность** восприятия и деятельности заключается в том, что субъект воспринимает и действует с любым предметом как с вещью внешнего мира и более того, с предметом культуры, а никак не с отраженным объектом своего сознания. Принцип предметности противопоставляется принципу стимульности, когда физическое отражение стимула является непосредственным источником реакций. О предметности аффектов впервые заговорил Спиноза, утверждая, что предмет аффекта ценен не сам по себе, а в той мере, в какой удовлетворяет нашим потребностям. Понятие «предмета» снимает дуализм объективного и субъективного, собирая эти миры воедино. У Абрахама Маслоу идея неадаптивности вылилась в разделение мотивации на дефицитарную и мотивацию роста [40]. Дефицитарная мотивация вызывается возникающим вследствие гомеостатических нарушений напряжением, от которого субъект стремится избавиться. Но бытийные потребности направлены, наоборот, на поддержание состояние напряженности. Так, например, необходимым условием человеческой жизни является смысл как напряженная система. Гомеостатичность психических процессов также является иллюзией классической психологии.
- **Принцип неадаптивной природы предметной деятельности** противопоставляется принципу адаптивности [5]. Последний подразумевает, что поведение человека вызвано необходимостью приспособливаться к наличным условиям среды с целью выживания. В неклассической психологии деятельность направлена к конечной, заранее предустановленной цели, результату, который не существует в настоящих условиях. Адаптивность поведения появлялась в работах и Спинозы, и Декарта.
- **Принцип интериоризации-экстериоризации** был предложен в отечественной психологии Выготским в противовес принципу социализации в зарубежной психологии [5]. Если на западе развитие психики ребёнка идёт по принципу обобществления психического, то есть принятия внешних принципов для выражения своих внутренних процессов, то у Выготского

процесс оказывается более многогранным. Можно выделить сразу несколько сторон процесса интериоризации как процесса вращивания внешних действий и знаков во внутренний мир ребёнка. Асмолов выделяет следующие грани интериоризации: 1) первая грань - это индивидуализация, состоящая в преобразовании общественных (интерпсихических) взаимодействий во взаимодействия внутренние (интрапсихические); 2) второй момент – переход от «мы» к «я», т.е. интимизация; 3) последняя грань – производство «внутреннего плана сознания».

- **Психологическая причинность**, как и причинность социальная, как и любая другая причинность понимаются в неклассической психологии по-новому. Происходит переход от детерминистической картины мира Декарта и Спинозы, к квантовому миру случайностей и вероятностей, от классической логики к логике неопределённости[2].
- **Отказ от абсолютизации филогенетических, социогенетических, онтогенетических закономерностей развития человека** подразумевает рассмотрение развития целостного человека в целостной системе природы и общества.
- **Избавление от антропо-, европо- и лингвоцентризма.** Для классической психологии характерен подход, старающийся объяснить своеобразие человека в окружающем мире, доведённый до полного отделения человека от природы и общества или, напротив, абсолютизация природы и общества как детерминант развития человека. Исходя из антропоцентрической установки западный учёный склонен видеть весь окружающий мир через призму привычного ему европейского мироустройства. Этим часто грешат кросскультурные исследования, выдавая образцы видения личности, закономерности её функционирования и развития в европейской культуре за нечто абсолютное. Лингвоцентрическая установка тоже родственна антропоцентризму. Она полагает вербальное мышление как единственно возможное и важное, иногда даже как критерий наличия мышления [3]. Из антропоцентризма проистекает и универсализация принципа линейной эволюции, когда какой-то этап развития объявляется высшим (или низшим), а путь к нему – конечным прогрессом (регрессом). Все вышеперечисленные установки появляются в результате разрыва субъекта и объекта. Неклассическая психология должна быть свободна от этих установок, чтобы

увидеть своеобразие человека другой культуры, образного мышления и мышления ребёнка или больного.

- **Анализ по «единицам»**, обычно, противопоставляется анализу по «элементам», проистекающему из второго правила метода Декарта. Существенным признаком анализа по «элементам» «является то, что в результате него получают продукты, чужеродные по отношению к анализируемому целому, - элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому, и обладают целым рядом новых свойств, которых это целое никогда не могло бы обнаружить» [10]. Примером подобного анализа является разложение поведения человека на сумму рефлексов, которое было предложено в рефлексологии Корнилова. Анализ по «единицам» должен работать с такими частями целого, которые отражают все его свойства. То есть необходимо найти молекулу (а не атом) человеческой психики. В психологии Выготского такого рода единицей стало значение как единство общения и обобщения. В построении учений о страстях Декарт был даже ближе к анализу по «единицам», нежели сам Спиноза, выделивший три базовых аффекта и их производные.
- **Зависимость психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности** является очень важным моментом при построении психологии, основанной на «анализе по единицам». Психический образ и картина мира субъекта зависят не столько от физических характеристик анализаторов и элементов ощущений, а от деятельностей, в которые вовлечен субъект, от его смысловых и ценностных установок.
- **Парадокс системности:** «элемент в системе» или «система в элементе». Человек выступает как элемент системы. Но и сам человек – тоже система. Именно поэтому так важны «единицы» психики и целостность её восприятия. Человек не просто системное образование, но ещё и открытая система с вероятностными связями. Такие системы относятся к предмету синергетики (от греч. *synergetikos* - совместный, согласованно действующий) – «научного направления, изучающего связи между элементами структуры (подсистемами), которые образуются в открытых системах (биологической, физико-химической и др.) благодаря интенсивному (потокосому) обмену веществом и энергией с окружающей средой в неравновесных условиях. В таких системах наблюдается

согласованное поведение подсистем, в результате чего возрастает степень ее упорядоченности, т. е. уменьшается энтропия (т. н. самоорганизация)» [23].

Изложенные выше отличия «картезианской» и «спинозианской» психологий для удобства приведены в таблице (Таблица 3.). Но являются ли изложенные принципы картезианскими и спинозианскими?

Неклассическая психология: Спиноза или что-то ещё?

Подробно анализируя установки новой психологии, невозможно провести строгого соответствия Декарт – классическая психология и Спиноза – неклассическая психология.

Одна из самых больших психологических химер – *постулат непосредственности* – в своё время был введён Декартом, чтобы сделать возможным познание Я-субъектом объективной реальности. Не в меньшей степени непосредственность восприятия была необходима и в учении Спинозы. Вообще, методология Нового времени была пронизана гносеологическим оптимизмом, полагая, что мы воспринимаем непосредственно действительность. Развитие мысли показало, что это неочевидно, появлением философии Беркли и Юма. Но ещё раньше, в индийской философии, существовало понятие «майи» как иллюзии реальности. По сути наше восприятие – лишь категориальное восприятие, то есть восприятие сильно модифицированное нашим Я. Безусловно, укоренение постулата непосредственности в научной мысли является заслугой Декарта, но Спиноза лишь слегка видоизменил его, полагая наличие «истинных идей».

Принцип реактивности также не был преодолен Спинозой. Его мир ещё в большей степени детерминистичен, чем мир Декарта. И когда мы не можем отыскать причины, мы просто сталкиваемся с границами нашего разума. Но причина есть, и она заложена в самом существовании субстанции. Особой заслугой Спинозы для психологии является постановка проблемы предметности и единой причины материального и психического мира.

Декарт не повинен в присущем западному мышлению *антропоцентризме*. Корни его надо искать прежде всего в средневековом религиозном мировоззрении, которое поставило человека над природой, на границе духовного и материального.

И если влияние Декарта на формирование западной научной мысли сложно отрицать, то необходимую неклассической психологии синтетичность, возможно, стоит искать в другом месте, нежели философия Спинозы. Говоря о целостности и системности мышления как глобальной установке нельзя не вспомнить об особенностях мышления в восточной традиционной культуре (Таблица 4). Восточные учения в наше время оказывают поистине огромное влияние на умы людей. Крупнейшие ученые обращались к

ним уже в начале XX века: В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, Н. Бор, К.-Г. Юнг [12]. Это связано, прежде всего, с методологическими поисками как в естественных, так и в гуманитарных науках.

Основной особенностью картезианской мысли, лёгшей в основу европейского сциентистского мышления, как было уже сказано выше, является *дуализм*: мышление европейца вечно пытается установить первичность идеального или материального, биологического или социального, чувственного или разумного. На Востоке логика другая. «Новая методология, выбранная восточным умом, диаметрально противоположная западному мышлению. Для людей Запада вещь либо существует, либо не существует. Утверждение, что она существует и одновременно не существует, они считают невозможным. Они скажут, что если мы рождены, то мы обречены на смерть. Восточный ум работает иначе: мы никогда не рождались и никогда не умрем. Нет рождения и смерти: нет начала и конца – вот что такое восточный образ мышления» [36]. «Покуда существует «мышление», вы не можете избежать дилеммы или бездонной пропасти абсурдов», - пишет Судзуки, подразумевая под словом «мышление» рациональное *cogito* Декарта.

Но именно западная наука поставила проблему квантовой механики и вероятностного знания. Для западного мышления, пораженного логикой бинарных оппозиций, парадокс Шрёдингера неразрешим. Тот тип мышления, который западная наука навала неклассической логикой уже много лет известна индийцам и японцам как единственно возможный вариант построения знания о мире.

Синтетичность восточного мышления хорошо отражена в особенностях языка и письменности. Если в процитированном выше отрывке Бергсон писал, что категории появляются в философии парами, то он, безусловно, говорил о западном мышлении. Так возникают сложности в переводе японских текстов на любой европейский язык: слово «омои» на русский язык переводится как «мысль», и как «чувство» одновременно [38]. А ведь эти две категории и вопрос их первичности задали восточной философии целое поле проблем, выразившихся в конфликте эмпиризма и рационализма. Более того, слово «кокоро» можно перевести и как «воля», «разум», «чувство». И все эти реальности, которые разделяются в сознании западном, слиты в сознании восточном. Поэтому на Востоке невозможно противопоставление рационального и интуитивного познания.

«Запад слишком увлекся обобщением», - пишет Судзуки [36]. Реальность в конкретном, а не в абстрактном и общем. В целом можно отметить, что западная наука и философия слишком интеллектуальны и далеки от реальных чувственных переживаний, а «интеллект способен лишь на одно – завести нас в дремучий лес» [36]. Чтобы построить

познание необходимо исходить не из разума, а из бытия. Бытие первичнее мышления. Вот где кроется первоначальное противоречие западного мышления.

Сам сциентизм как установка на научность познания стал результатом преобразовательной ценности знания на Западе. Общезначимое знание сверхсознания, абсолютного сознания, сообщества учёных стало безоговорочно властвовать европейскими умами в результате постоянной необходимости изменения под себя окружающего мира. «Пословица «знание – сила» пришла к нам из Древнего Рима и тысячелетия учила европейцев, что знание – сила, сила как средство преобразования окружающего, объективированного от преобразующего субъекта мира. На Востоке знание – это скорее всего путь к слиянию с миром» [38].

Мышление на Западе эгоцентрично. Мы склонны всё мерить своей меркой. Отсюда и возникают разного рода «центризмы»: антропоцентризм, европоцентризм, лингвоцентризм, наукоцентризм и т.д. «Группоцентризм» цивилизации восточной вовсе не чужд определённого рода эгоцентризма, как и обыденное сознание европейца не чуждо вероятностной логики, но он неизбежно проигрывает диалогичности восточного мышления. Если европеец пытается в вербальном диалоге наиболее точно выразить собственную мысль и убедить собеседника, то японец ориентирован на понимание собеседника, которое будет вовсе необязательно вербальным. У японцев нет языка как средства истинного общения, возникающего между взаимно противостоящими людьми и людьми разного склада [38]. «Он [японец] может в душе соощущать японца, даже когда в одиночестве читает «письменные знаки», - говорит Кимура Сёдзабуро [38]. В основе истинного диалога должны лежать субъект-субъектные отношения.

Преобразовательная установка западной цивилизации и эгоцентризм проистекает, в том числе, и из субъект-объектной парадигмы. Восточный мир устроен совершенно по-другому. Например, идеалом дзэн является достижение недвойственности, «не-я», когда исчезает дистанция между человеком и миром, а вместе с ней – эгоцентризм. О похожих вещах говорил Гуссерль, вводя понятие «трансцендентальной редукции». Восточное взаимодействие с природой (в Спинозистском понимании природы) протекает в рамках «субъект-субъектной» парадигмы. «Внешне овладеть природой гораздо легче, чем любовно проникнуть в нее, ибо на это способен лишь истинно творческий гений [12]», - писал Рабиндранат Тагор. Именно на таком творческом взаимодействии, проникнутом эстетизмом, строится отношение восточного человека с миром. Красота имманентна восточному миру так же, как Бог имманентен миру Спинозы.

Если восточный тип мышления может помочь нам в построении неклассической психологии, стоит ли полностью отбросить западные установки? В современных условиях

Запад и Восток стали гораздо в большей степени влиять друг на друга. По-видимому, будущее лежит во взаимодействии. Не стоит поддаваться западной антиномичности выделяя очередные две непримиримые противоположности.

Т.П. Григорьева отмечает: «Наше признание Востока заключается не в признании за ним права походить на нас, а в признании за ним права на собственные ощущения, на собственные откровения и принципы, *которые не исключают существования противоположных, а предполагают, дополняя их, как две стороны одного процесса дополняют друг друга*» [38]. Примечательно, что Восток принял подобный подход гораздо раньше Запада. В Японии «заимствование всего передового, созданного на Западе в области науки и техники, ещё со времен Мэйдзи возведено в ранг государственной политики. А основным постулатом этой политики было сознание необходимости освоить европейскую науку и технику как средство сохранения национального суверенитета» [38]. Синтез двух культур уже дает миру свои плоды: лучших в мире научных специалистов из Индии, Японии и Китая.

Но важно помнить, что взаимодействие необходимо не только в соединении «двух линий мышления», но и в междисциплинарных отношениях. Необходимо формировать «мышление будущих ученых на принципах междисциплинарно-системно-синергетического понимания научной деятельности в XXI веке» [21].

Глава 4. Решение психофизической проблемы и современная психофизиология

В предыдущей главе мы обозначили основные методологические сложности классической психологии. Практически все они свойственны психофизиологии как науке о взаимодействии психического и физического. Уже само определение психофизиологии ставит нас перед необходимостью разрешения психофизической проблемы, ведь, если опираться на Декарта, психофизиология – наука о взаимодействии; если обратиться к Соколову, то это наука о механизмах психики. А как можно сформулировать предмет новой, неклассической психофизиологии, следуя Спинозианской линии мышления?

§1. Наследие Декарта в психофизиологии

Взаимоотношения физиологии и психологии в истории складывались неоднозначно. Ещё со времён Гиппократом было ясно, что связь между психикой и физиологией существует. Абсолютизируя эту связь, некоторые мыслители приходили к той мысли, что «психологом-аналитиком может быть только физиолог» [31]. Создавались системы, отвлечённые от терминов человеческого мышления (учение о рефлексе Павлова), объясняющие поведение только на основе физиологических механизмов. Эти учения опирались преимущественно на принцип реактивности, предложенный Декартом ещё в XVII веке. Павлов сам признавал, что заимствует представление о рефлексе у Декарта [27]. Схема стимул-реакция, разрабатываемая в психологии бихевиористами и большинством физиологов, этологов и зоопсихологов, по сей день сама является рефлексом на слово «поведение».

Новые факты, указывающие на то, что стимул может следовать за реакцией или вовсе отсутствовать, вели к незначительным изменениям в парадигме исследований поведения, к возникновению эклектических воззрений:

1. филогенетической эклектике (люди ведут себя целенаправленно, а животные – отвечают на стимулы);
2. онтогенетической эклектике (в пренатальном периоде и/или на ранних этапах развития организмы реагируют на стимулы, а целенаправленность – характеристика высших этапов развития);
3. уровневой эклектике (целенаправленность связано с высшими формами организации деятельности);
4. анатомической эклектике (в периферической нервной системе действует стимул-реакция, а в центральной – цель-средство) [1].

Противопоставление реактивной и активной парадигм, а так же доминирование исследований реактивного поведения, как более простого и элементарного, – следствие выделения двух типов причинности, идущего от Декарта.

Другим наследием Декарта в физиологии, психологии поведения и психофизиологии, являлся редукционизм. Если Декарт рассматривал как работу машин только поведение животных, то в дальнейшем в психологии принимались попытки свести всю деятельность человека к элементарным реакциям. Например, Сеченов выдвигал шесть доказательств того, что психология не имеет иного предмета, кроме акта, исследуемого физиологами, укладываемого в схему «возбуждение чувствующей поверхности – деятельность нервного центра - рабочие органы» [31].

Надо также отметить, что видимо, благодаря тому, что сам Декарт, описывая психическую жизнь человека, опирался на данные физиологии, естественнонаучный подход в психологии навсегда связан с картезианским типом мышления. Изначально мировоззрение Декарта возникло на границе научности и теологичности, являвшейся основным противоречием XVII века и толчком к развитию философской мысли. По степени своего влияния в психофизиологии Декарт является своего рода Павловым (в понимании Выготского) своего времени. Поэтому часто психофизиологи воспринимаются психологами как современные бихевиористы, редукционисты и механицисты. Тем не менее, даже та область, где психология смыкалась с физиологией, не могла обойтись без элементов спинозианского мышления.

§2. Системная и коррелятивная психофизиология

Попыткой преодолеть эклектизм и редукционизм является системная психофизиология, которая противопоставляется коррелятивной (Таблица 5).

В основе коррелятивной психофизиологии лежит утверждение о параллелизме психологических и физиологических явлений. Субъективное является отражением объективного. Связаны они друг с другом жёстко детерминистически, как стимул с реакцией. Существует каузальная связь стимул-реакция, осуществляемая неким внутренним механизмом, состоящим из звеньев, связанных причинными связями. Проблемы, связанные с целеполаганием и мотивацией в такой парадигме не решаемы. Поведение целиком реактивно. Такую психофизиологию можно смело назвать классической картезианской.

Системная психофизиология стала развитием теории функциональных систем П.К.Анохина. Понятие «система» появилось в психофизиологии в 1986 году. Система – это комплекс взаимодействующих элементов, объединённых определённой структурой.

Под структурой понимаются законы связи и функционирования элементов [1]. Системное решение психофизической проблемы состоит в том, что и психические, и физиологические явления суть проявления информационных процессов. Иначе говоря: информационные процессы представляют собою *causa sui*, обладающую атрибутами, являющими себя в модусах физиологических и психологических изменений. При этом системные процессы не сводятся ни к психологическим, ни к физиологическим. Последние являются проявлениями, доступными изучению человеком. Следовательно, мы можем использовать все имеющиеся у нас методы, возникшие в рамках коррелятивной физиологии и использовать элементы картезианского мышления для проведения экспериментов (но не для формулирования гипотез!).

Сущностью функциональной системы является результат как полезный приспособительный эффект в соотношении организма и среды, достигаемый при реализации системы [1]. При введении понятия «результата» мы сталкиваемся со временным парадоксом. Деятельность оказывается предопределяемой не наличествующей ситуацией, а будущим. Психика является не просто отражением, а отражением опережающим. При чем, опережающее отражение не включает психологически нейтральную среду. И время, и пространство в отражаемой реальности деформируются ценностью результата.

Таким образом, в системной психофизиологии субстанция Спинозы превращается в системное единство психического и физиологического. Единицей анализа оказывается поведенческий акт как реализация функциональной системы. Все системные процессы опосредствованы одним системообразующим фактором – результатом, который и предопределяет множество феноменов зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности. Все эти постулаты системной психофизиологии заставляют назвать её неклассической психофизиологией по аналогу с неклассической психологией.

Надо отметить, что системная психофизиология, предлагаемая Александровым, на данный момент не является свободной от эклектичности, что признаёт и сам автор [1]. Тем не менее, путь развития идей Анохина до современного состояния говорит о том, что даже психофизиология стоит на пути увеличения вклада спинозианского мышления.

Выводы

В данной работе были рассмотрены философские корни двух методологических подходов, берущих начало от философии Б. Спинозы и Р. Декарта, которые долгое время рассматривались в психологии как противоположные.

Картезианская и спинозианская линии мышления в психологии далеки от первоначальных философских корней и понимаются нами в более широком смысле, нежели развитие идей Декарта и Спинозы в психологии.

Мы нашли варианты проявлений картезианского и спинозианского мышления в дальнейшем развитии психологии как науки. В частности, реализацией спинозианского подхода мы считаем экзистенциальный и деятельностный подходы в психологии, а также системную психофизиологию.

Анализируя картезианскую и спинозианскую линии в психологии и психофизиологии, мы пришли к выводу, что видимо, в основе различий подходов Декарта и Спинозы лежали особенности их мышления, которые могут быть объяснены современной психологией как аналитическая и синтетическая установки мышления или разные когнитивные стили. Значит, следует попытаться объединить два подхода так же, как в человеческом мышлении сочетаются тенденции к анализу и синтезу.

Кроме того, мы выделили альтернативные философские ориентиры для построения неклассической психологии – восточная философия и современная синергетика.

Важно отметить, что любое строгое противопоставление картезианского и спинозианского, западного и восточного, аналитического и синтетического мышления является проявлением дуализма, лежащего в основе европейского сознания.

Заключение

Необходимость нашей работы была продиктована ситуацией, сложившейся в области наук о психике в начале XX века и продолжающей существовать по сей день. Эпоха открытого кризиса в психологии характеризуется, прежде всего, наличием нескольких магистральных направлений психологии, посвященных изучению разных предметов и пользующихся для этого различными методами.

Выготский выделял среди этих «психологий» две основные линии развития. *Физиологическая психология* пытается развиваться по типу естественнонаучного знания, опираться на точные математические методы и экспериментальные факты. Таковой была первая экспериментальная психология Вильгельма Вундта. Но сам Вундт говорил о существовании другой, «культурной психологии». «*Психология душевная*» строится по типу наук о духе. В ней, как правило, отказываются от эксперимента и обращаются к исследованию исторических фактов, культурного наследия и т.д. Примером такой психологии может быть понимающая психология Вильгельма Дильтея.

Если мы собираемся строить новую неклассическую психологию необходимо отказаться от оппозиций и построить единую методологию. Эту задачу на себя, по мнению Выготского, должна была взять «общая психология», или метапсихология.

Первая задача метапсихологии, на наш взгляд, состоит в поиске корня противоречий классической психологии. Обычно, говоря о современных проблемах научного мировоззрения, обращаются к его истокам – философии Нового времени. Предметом нашего исследования стали две философские системы этого периода – философия Рене Декарта и философия Бенедикта Спинозы.

Философия Р. Декарта заложила основы особого мировосприятия, названного в последствии картезианским. Именно на нём строится образ мысли, названный З.К. Мамардашвили «классическим идеалом рациональности».

Основу метафизики Декарта составлял дуализм, подробно рассмотренный в §3 первой главы. Мы предложили выделить несколько уровней дуализма в философии Декарта. Первый – «*онтологический*» дуализм, или дуализм двух субстанций. Одна из них – душа, другая – тело. Если приложить его к человеку, то можно увидеть уже *дуализм внешнего* (наблюдаемого другим) и *внутреннего* (наблюдаемого посредством рефлексии самим субъектом). Выделение двух субстанций и двух различных типов причинности в них действующих привело к последующему разделению наук на науки о природе и науки о духе. «*Психологический*» дуализм Декарта состоит в выделении активных и пассивных состояний души. Идея воздействия тела на душу привела к развитию *механицизма* в

картине мира Нового времени и попыткам в естественнонаучных вариантах психологии экстраполяции физической причинности на мир психического, например, в классическом ассоцианизме.

Важным в учении Декарта также являются сформулированные требования к методу познания, рассмотренные в §2 первой главы. В них Декартом закладываются такие основы научного знания как *объективность и аналитичность*. Подчеркивается роль опыта и *эксперимента* в любом знании.

Первое правило Декарта – сомнение. Есть лишь одно, в чём нельзя усомниться, – существование мыслящего Я. Я мыслящее, вечное, неделимое и не обладающее пространственной протяженностью, противопоставляется миру вещей, всегда занимающих определённое место в пространстве, преходящих и делимых. Так задаётся субъект-объектная парадигма европейской науки, в которой субъект изучает извне, противопоставленный ему объект, «читает книгу природы».

В Новое время декартовские идеи пришли ко двору, когда казалось, что наукой можно понять и объяснить всё. У такого *гностического оптимизма* были свои причины: например, наконец, была сформулирована астрономическая концепция, описывающая устройство наличной Вселенной (см. глава 1, §1). В этой Вселенной Бог сыграл роль первотолчка и устранился из мира. Так Декартом была сформулирована идея деизма.

Влияние нововременной картины мира и философии Декарта на формирование классической психологии описывается в §5 первой главы.

Основываясь на работах Выготского, источник новой методологии для неклассической психологии в противовес картезианскому мышлению, было принято видеть в философии Бенедикта Спинозы [2]. Поэтому очень важно было выделить своеобразные черты спинозианского мышления и оценить их в отношении психологии. Этой задаче была посвящена вторая глава.

Декартовскому дуализму Спиноза попытался противопоставить *монизм* (см. глава 2, §2). Прежде всего, Спиноза уходит от дуализма онтологического. Его «природа» - это единая субстанция, причина самой себя, сама сущность которой заключается в существовании. У субстанции существует неограниченное количество атрибутов. Но человеческому познанию доступны два основных атрибута – мышление и тело. Оба они подчиняются законам одной и той же причинности, единой и для физического, и для душевного мира.

Субстанция Спинозы – это Бог, имманентный миру. Поэтому Спинозу называют *пантеистом*. Именно Бог является совершенством мира, проявляющимся во всеобъемлющем порядке. Пантеизм Спинозы противостоит деизму Декарта. В той же

степени, в которой Бог сопричастен миру, субъект слит с объектом. Таким образом, монизм Спинозы предоставлял путь выхода за рамки субъект-объектной парадигмы.

Но, к сожалению, Спинозе не удалось преодолеть дуализм «психологический». Рассуждая о свободе человека (см. глава 2, §3), Спиноза говорит, что свобода воли, воспеваемая Декартом, - иллюзия ума, ограниченного в своем познании. Там, где мы видим возможность выбора, мы просто не способны определить истинную причину собственных действий. Единственная область реализации свободы – это разум. Познание ведущего нас аффекта – освобождение. Здесь Спиноза возвращается к дуализму внутреннего и внешнего. Свобода оказывается показателем внутренней жизни, в отличие от внешней причинности (*дуализм субъективного и объективного*). С другой стороны он привносит новую оппозицию психологии – *аффект-интеллект*.

В целом, Спинозе не удаётся выйти за рамки картины мира Нового времени. Он следует тем же идеалам, что и Декарт. Так, например, свой метод он основывает на математических принципах доказательного геометрического знания (см. глава 2, §1). Из-за этого его философия может показаться эклектичной.

Тем не менее, единство двух субстанций – очень важный момент, на который может опереться неклассическая психология, основные принципы которой излагаются в третьей главе.

Для психолога очень важно понять, что картезианская и спинозианская линии мышления в психологии лишь отчасти являются продолжением идей авторов (см. глава 3, §1). А сами различия идей Декарта и Спинозы (Таблица 1) могли стать результатом своеобразия их когнитивных стилей. Новое время поставило перед ними схожие задачи и вопросы, которые решались Декартом в большей степени аналитически, а Спинозой – синтетически. Хотя за столь категориально различными концепциями мог стоять сходный невербальный медитативный опыт.

Новую психологию продолжают называть спинозианской, скорее как дань истории. Вариантами подобной психологии могут быть названы теория деятельности А.Н. Леонтьева [3] и теория функциональных систем П.К. Анохина (см. глава 4, §2). Системная психофизиология разбирается нами в последней главе, как эскиз науки, построенной на новых, предложенных нами принципах неклассической науки о психике (см. глава 4).

Неклассическая психология должна отказаться от ряда привычных установок (см. глава 3). Прежде всего, она должна быть свободна от любых видов познавательного эгоцентризма, вызванного субъект-объектной парадигмой: антропоцентризма, европоцентризма, лингвоцентризма и наукоцентризма. Неклассическая психология должна признать все многообразие связей субъекта с миром и отказаться от

абсолютизации филогенетических, социогенетических и онтогенетических закономерностей развития человека. Дуализм внешнего-внутреннего снимается в «спинозианской» психологии принятием принципа интериоризации-экстериоризации, как сложного многогранного процесса.

Неклассическая психология не должна опираться на постулат непосредственности. В любом случае, природа человеческих связей с миром такова, что они всегда опосредствованы. Этим объясняется, в том числе, зависимость психического отражения от места отражаемого объекта в мире. Необходимо принятие предметности как основного свойства психического во всех его проявлениях: предметны восприятие, память, мышление, деятельность – всё. Предметная деятельность не адаптивна, она не является реакцией приспособления к наличным условиям среды, а направлена в будущее.

Предметом такой целостной психологии должна стать личность во всех её многообразных проявлениях. Для изучения личности необходимо выделение не элементов, а «единиц», т.е. таких частей, которые включают все свойства целого. Таким образом мы приходим к пониманию предмета психологии как сложной системы, при чём, открытой системы, элементы которой связаны не жёсткими, а вероятностными связями. Так мы оказываемся в области действия теории систем и дальнейшего её развития синергетикой.

Синергетика как междисциплинарная методологическая область – это первый новый ориентир для неклассической психологии. Ей предметом являются диссипативные структуры, то есть структуры, способные самопроизвольно возникать и развиваться в активных, рассеивающих (диссипативных) средах в состояниях, далеких от равновесия» (Пригожин, цит. по [23]).

Вторым ориентиром мы предлагаем выбрать восточную философию. Дело в том, что требования к неклассической психологии в сравнении с картезианской (Таблица 3) очень похожи на различия в европейском и традиционном мышлении (Таблица 4).

В восточном мышлении (см. глава 3, §2) отсутствует разделение субъекта и объекта. Строго говоря, восточное мышление европейец вряд ли бы назвал «мышлением». Восточное мышление свободно от дуализма категорий, так как в основе своей созерцательно и синтетично. Для него более важны конкретные вещи, нежели абстрактные понятия. Основу взаимодействия восточного человека с миром составляет творческое эстетическое взаимовлияние не субъекта и объекта, а двух равнозначных субъектов.

Основным вопросом данной работы была возможность взаимодействия двух подходов. Выготский писал, что картезианская и спинозистская психология

несовместимы. Безусловно, это так, когда мы говорим об исходных установках двух линий мышления. В реальности же, возможно объединение лучшего из обоих подходов. То, что кажется нам абсурдным, довольно успешно уже решено в некоторых восточных странах, как сочетание лучших научных достижений прогрессивной науки запада с принципами восточного мировоззрения. В данном случае имеется ввиду не просто механическое соединение, а образование новой системы мировоззрения, отличающейся от обеих исходных и составляющей их синтез.

Список используемой и цитируемой литературы

1. Александров Ю.И. «Системная психофизиология» // «Психофизиология» под редакцией Ю.И. Александрова. Санкт-Петербург: Питер, 2001.
2. Асмолов А.Г. «Выготский, Гамлет, Спиноза и неклассическая психология» // «По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии». Москва: Смысл, 2002.
3. Асмолов А.Г. «Истоки неклассической психологии» // «По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии». Москва: Смысл, 2002.
4. Асмолов А.Г. «Мир Александра Лурии и культурно-историческая психология». // «По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии». Москва: Смысл, 2002.
5. Асмолов А.Г. «Принципы психологического анализа в теории деятельности» // «По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии». Москва: Смысл, 2002.
6. Бергсон А. «Введение в метафизику» // Бергсон А. «Творческая эволюция. Материя и память». Минск: ХАРВЕСТ, 1999.
7. Бергсон А. «Психофизический параллелизм и позитивная метафизика» // Бергсон А. «Творческая эволюция. Материя и память». Минск: ХАРВЕСТ, 1999.
8. «Библия» // <http://www.bible.ru/freeware/>
9. «Библиологический словарь» священника Александра Меня. Санкт-Петербург, 2002 г.
10. Выготский Л.С. «Исторический смысл психологического кризиса» // Выготский Л.С. «Собрание сочинений». Т.1. Москва, 1982.
11. Выготский Л.С. «Учение об эмоциях» // Выготский Л.С. «Собрание сочинений». Т.6. Москва, 1982.
12. Григорьева Т.П. «Предисловие» // «Человек и мир в японской культуре». Москва: издательство «Наука», главная редакция восточной литературы, 1985.
13. Гуссерль Э. «Феноменологическая психология» // «Амстердамские доклады» http://www.philosophy.ru/library/husserl/husserl_amster.html
14. Декарт «Первоначала философии» // «Хрестоматия по западной философии XVII-XVIII веков» под общей редакцией Л.И. Яковлевой. Москва, 2003.
15. Декарт Р. «Письмо к Кольвию» // Р. Декарт «Сочинения», т.1. Москва, 1989.
16. Декарт Р. «Размышления о первой философии» // <http://www.philosophy.ru/library/descartes/01/0.html>

17. Декарт Р. «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» // «Хрестоматия по западной философии XVII-XVIII веков» под общей редакцией Л.И. Яковлевой. Москва, 2003.
18. Декарт Р. «Страсти души» // Р. Декарт «Сочинения», т.1. Москва, 1989.
19. Дильтей В. «Категории жизни» // Вопросы философии, 1995, №10.
20. Ждан А.Н. «История психологии: от античности к современности». Москва, 1999.
21. Каган М.С. «XVII век в его отношении к прошлому и будущему европейской культуры» // XVII век в диалоге эпох культур. Материалы Международной научной конференции «Шестые Лафонтеновские чтения» (14–16 апреля 2000 г.) Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2000. <http://anthropology.ru/ru/texts/kagan/xviicentury.html>
22. Каган М.С. «Перспективы развития гуманитарных наук в XXI веке» // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск №12. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2001.
23. Крылов И.М. «СИНЕРГЕТИКА КАК ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ ФИЛОСОФИИ» // <http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/4907.html>
24. Мамардашвили М.К. «Классический и неклассический идеалы рациональности» // http://www.philosophy.ru/library/mmk/knir/mam_rat.html
25. Мамардашвили М.К. «Картезианские размышления» // <http://www.mamardashvili.ru/index.php?texts.htm>
26. Осборн Ричард, Борин Ван Лоон. «Восточная философия». Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1997.
27. Павлов И.П. «Условный рефлекс» (т.3, кн. 2 собр. сочинений) // Павлов И.П. «Собрание сочинений». Т. 3, Кн. 2. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1952.
28. Перов Ю.В. «Метафизика и этика Спинозы» // Бенедикт Спиноза, «Этика». Санкт-Петербург: Азбука, 2001.
29. Психологический словарь // <http://www.mtu-net.ru/psi/abc/abc1.htm>
30. Радугин А.А. «Философия. Курс лекций». Москва: Издательство ЦЕНТР, 1997.
31. Сеченов И.М. «Кому и как разрабатывать психологию?» // Сеченов И.М. «Избранные произведения» Т.1. Москва, 1932.
32. Сеченов И.М. «Рефлексы головного мозга». Москва, 1942.
33. Спиноза Б. «Трактат об усовершенствовании разума о пути, которым лучше всего

- направляются к истинному познанию вещей». // Бенедикт Спиноза «Этика». Санкт-Петербург: Азбука, 2001.
34. Спиноза Б. «Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей». // Бенедикт Спиноза «Этика». Санкт-Петербург: Азбука, 2001.
35. Стэнли-Бейкер Дж. «Искусство Японии». Москва: слово / слово, 2002.
36. Судзуки Дайсэцу Тэйтаро «ВВЕДЕНИЕ В ДЗЭН-БУДДИЗМ» // <http://www.psylib.org.ua/books/sudz01/index.htm>
37. Уотсон Дж. Б. «Бихевиоризм» // «История психологии. Тексты» под ред. Гальперина П.Я., Ждан А.Н.. Москва: Деловая книга, 1999.
38. Федоришин М.С. «Диалог мировоззрений» // «Человек и мир в японской культуре». Москва: издательство «Наука», главная редакция восточной литературы, 1985.
39. Франкл В. «Человек в поисках смысла». Москва: «Прогресс», 1990.
40. Хьелл Л., Зиглер Д. «Теории личности». «Питер», 2003.
41. Яковлева Л.И. «Очерки по философии нового времени» // «Хрестоматия по западной философии XVII-XVIII веков» под общей редакцией Л.И. Яковлевой. Москва, 2003.
42. Ярошевский М.Г. «История психологии», гл. 5 «Психологические учения XVII века». Москва: Мысль, 1985.
43. Ярошевский М.Г. «И. М. Сеченов и его понимание психического акта»
44. Ярошевский М.Г. «Л.С. Выготский: в поисках новой психологии»
45. Ярошевский М.Г. «Послесловие» // Выготский Л.С. «Собрание сочинений». Т.6. Москва, 1982.

Приложение

Таблица 1. Основные моменты расхождения учений Декарта и Спинозы, принципиальные для психологии.

	Декарт	Спиноза
Метод	«алгебраический»	«геометрический»
Субстанция	Дуализм: 1. душа 2. тело	Монизм: Бог=природа (единство души и тела)
основные атрибуты и модусы	1. восприятие, воля 2. размер, фигура, покой/движение	1. душа > мышление 2. тело > протяжённость
страсти	восприятия	модуляторы действий тела и души
психофизическая проблема	параллелизм: возможно тело без души и душа без тела	без тела нет души, без души нет тела – монизм
проблема идеального и материального	дуализм	дуализм

Таблица 2. Оппозиция картезианства и спинозианства в координатах дуализм/монизм.

Картезианство (дуализм)	Спинозианство (монизм)
Душа/тело	единство человека
объективный /субъективный мир	единство объекта и субъекта
внешнее/внутреннее	суть стороны одной медали
прямая причинность/целесолагание	единая причинность

Таблица 3. Отличия «спинозианской» и «картезианской» психологии

	Классическая «картезианская» психология	Неклассическая «Спинозианская» психология
Предмет	Множество предметов: сознание, индивид, машина по переработке информации, клиент, запрограммированная на поведение машина	Целостный человек, личность
Логика	Классическая логика бинарных оппозиций	Неклассическая вероятностная логика
Анализ	По элементам	По единицам
Синтез	Суммирование	Системность
Взаимодействие с миром	Постулат непосредственность	Опосредствованность психики
Детерминанты деятельности	Внешние: Реактивность Стимульность Адаптивность	Внутренние: Активность Предметность Неадаптивность

Таблица 4. Специфика мышления западной и восточной цивилизации

(на основе [30], [36],[35], [26], [38])

	Запад	Восток
взаимодействие с природой	преобразование	созерцательность
мышления	аналитическое вербальное логическое конкретное монологичное	синтетическое образное интуитивное абстрактное диалогичное
восприятие	дифференцированное	целостное
логика	бинарных оппозиций	неклассическая
направленность	эгоцентрическая	группоцентрическая

Таблица 5. Основные идеи коррелятивной и системной психофизиологий.

	Коррелятивная физиология	Системная психофизиология
психофизиологическая проблема	параллелизм	системное решение
субъективное/объективное	субъективное – отражение объективного	наряду с объективным является модусами информационных процессов
внешнее/внутренне	внутренний механизм реагирует на внешнее воздействие по принципу реактивности	информационные процессы – единственное, что существенно, в них нет разницы между внешним и внутренним
причинность	существует каузальная связь стимул-реакция, осуществляемая неким внутренним механизмом, состоящим из звеньев, связанных причинными связями. целеполагание – фикция. реактивность.	целеполагание – единственная возможная форма причинности в информационных процессах. реактивность – фикция. активность.